

ОТЧУЖДЕНИЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

КАЛЬНОЙ Игорь Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Крымского Государственного университета. Публикуется впервые САПУНОВ Михаил Борисович — кандидат философских наук, редактор отдела журнала "Социологические исследования". ФЕТИСОВ Эдуард Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИС АН СССР. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

Негативные общественные явления... Если не морализировать, а подходить научно, приходится признать, что на сегодня есть лишь один разработанный аппарат их анализа — марксистская концепция отчуждения. Вместе с тем нужно констатировать, что ее эвристические возможности до сих пор не используются в полной мере. В самом деле, что нового может дать социологу «отчуждение», используемое через запятую с терминами «бюрократизм», «отсутствие чувства хозяина», «политическая апатия», «правовой нигилизм», «теневая экономика», «проституция», «ничейность собственности», «культ личности» и т.п.? Не много оно дает и тем ученым, которые рассматривают эти «негативы» лишь как «проявления», «элементы», «остатки» отчуждения.

Думается, ущербность такого хода мысли заключается не в отдельных неточностях, но в его гносеологических и онтологических основаниях.

"Капитализм — лоно тлетворных процессов отчуждения. ... Отчуждение не порождается сущностью социалистических отношений" [1] — лишь в последнее время эта общепринятая в недалеком прошлом позиция начала подвергаться справедливой критической рефлексии. Амплитуда точек зрения, представленных в современной литературе, весьма широка — от полного отрицания значимости проблемы применительно к «реальному социализму» до признания ее в качестве одной из центральных для понимания процессов, происходящих во всем мире. Альтернативные взгляды представлены на страницах практически всех научных и общественно-политических изданий [2], отдельные аспекты темы затрагиваются в специальных монографиях [3], на языке марксовской концепции заговорили публицисты и политики. Этот всплеск повсеместного интереса к, казалось бы, сугубо академической теме, отражает ведущуюся социально-политическую борьбу за обновление советского общества.

Проблема отчуждения «при социализме» стала модной и, как это нередко случается, появилась реальная возможность утопить ее в море схоластических изысканий и вербальных различий. Термин «отчуждение» стал расхожим понятием, которое иногда употребляют, не задумываясь над его эвристическим потенциалом. Имея все это в виду, нам бы хотелось заняться методологической работой — попытаться выявить истоки проблемы, условия и пределы применимости концепции отчуждения к объяснению эмпирической действительности советского общества.

Начать можно, пожалуй, с констатации того общеизвестного специалистам факта, что понятие отчуждения обрело литературные права гражданства по сути дела лишь в строго определенном контексте — при анализе негативов построенного в странах бывшего «социалистического лагеря» общества. Казалось бы, это вполне объяснимо: идет напряженный поиск нетрадиционных концептуальных средств понимания тех трудностей, которые привели эти страны на грань социально-экономического краха и идеологического кризиса.

Однако, о чем это говорит? По нашему убеждению — о рецидивах нормативист-

ского стиля мышления о реальном социализме как общественном строе, зеркально противоположном капитализму. Такого рода система когнитивных координат, как известно, организуется по принципу «от противного»: сущностные характеристики социалистического общества логически дедуцируются из «зряшного» отрицания базисных оснований общества буржуазного. В так понимаемом социализме отчуждения действительно не может быть — по определению. Этот ход мысли вполне соответствует господствовавшей еще несколько лет назад концепции социализма как исторически преходящего симбиоза общесоциалистической основы и пережитков прежних социально-экономических структур. Такое понимание сущности социалистического общества с необходимостью приводит к непоследовательно материалистической трактовке его негативов, онтологически расцениваемых в качестве родимых пятен старого общества. Рассмотрение не-коммунистических категорий как архаизмов, реликтов, плевел, подлежащих отмиранию и вытеснению «ростками коммунизма», связано с субъективистской интерпретацией их, «случайности» для социализма: на самом деле существует лишь сущность (основа социализма), а явление — нечто преходящее, имеющее низший онтологический статус, связанный в конечном счете с нашим временным неумением все досконально просчитать, учесть и спланировать, с мерой нашего знания и умения. Так негативные явления перемещаются в план общественного сознания и становятся пережитками прошлого в сознании отдельных людей. Воспроизводство их можно теперь объяснять «уровнем сознательности», враждебным окружением «голосов» и «объективной закономерностью отставания сознания от бытия». Процессу «вызревания» социально-экономической и политической коммунистической сущности на полюсе общественного сознания соответствует процесс вытеснения «враждебных» стереотипов из массового социалистического («мозаичного») сознания путем внесения в него принципов научной идеологии и достижения на этом пути его полной коммунистической однородности. Внедрение этого «клея», наработанного в общественной науке, — функция идеологической работы, литературы и искусства.

Эта схема анализа негативов — преимущества (непреходящие ценности, завоевания) социализма + его недостатки (чуждые явления, деформации) — вынуждает использовать термин «отчуждение» не в его аутентичном категориальном смысле, а в качестве случайной, наряду с другими, характеристики эмпирически фиксируемых явлений общественной жизни или же как некое общее обозначение разного рода «искажений» «истинной природы» социализма.

На наш взгляд, концептуальные истоки такой исследовательской стратегии — в пресловутых концепциях «полной и окончательной победы», «развернутого строительства коммунизма» и «совершенствования развитого социализма», в терминах которых действительная проблема отчуждения не может быть даже сформулирована. Будучи же все-таки использован в контексте так понимаемой проблемы негативов Марксов категориальный аппарат претерпевает радикальные искажения, утрачивая по существу свой объяснительный потенциал.

Вспомним, как вводится термин «отчуждение» в концепции К. Маркса. Но прежде — несколько слов методологического порядка о характере научной деятельности вообще. В литературе последних лет стало банальным утверждение, что наука непосредственным предметом своего исследования имеет некую совокупность абстрактных идеализированных объектов и законов их связей (предметную реальность), весьма и весьма опосредованно относящуюся к эмпирически данной действительности. Такие объекты мысли обществоведов как «ОЭФ», «класс», «базис», «страт», «капитализм», «стоимость» и т.п., есть продукты сложной мыследеятельности, выяснение онтологического статуса которых представляет собой нетривиальную гносеологическую и практическую задачу. Категория отчуждения появляется именно в контексте такого рода деятельности по теоретическому освоению классиками марксизма мира, в котором им пришлось жить. Она появляется в качестве средства анализа возникновения, функционирования и развития «капитала» как

идеализированного «образа» общественного строя, господствовавшего в ряде стран Западной Европы.

Не будем утомлять читателя общеизвестными, однако, не всегда адекватно понимаемыми цитатами из классиков. Изложим лишь самую суть их позиции. Поставив перед собой задачу историко-материалистического понимания практической жизнедеятельности человека как субстанции общественной жизни, К. Маркс приходит к выводу, что на разных этапах общественного развития труд проявляет свою созидательную мощь в специфических формах. Исторически необходимое разделение труда означало гигантский шаг к прогрессу, но вместе с тем оно привело и к созданию условий «искажения» родовой жизни человека, т.е. к частной собственности — особому типу общественных отношений, в условиях которых непосредственный производитель отделяется от средств производства, а потому органическая связь между сознательной целью, которой задается человек в своей трудовой деятельности, и средствами, которые он употребляет для достижения этой цели, прерывается. «Собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней» [4]. В этих условиях непосредственный работник практически уже не управляет, не контролирует ни сам процесс труда, ни цели, которые он в нем реализует (ибо они заданы ему извне), ни его конечный результат. Труд уже не есть больше осуществление его собственных целей, его личных замыслов: он осуществляет цели другого. Человек в своем труде перестает быть субъектом и становится средством производства прибавочной стоимости. Он становится вещью.

Итак, ситуация отчуждения появляется как результат «конденсации» социальной деятельности людей в некую «вещественную силу, господствующую над ними, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты» [5].

Важно подчеркнуть, что в этом своем качестве отчуждение является условием и результатом функционирования капиталистического общества в том его «чистом» виде, в каком оно нашло свое теоретическое отображение в «Капитале». Отчуждение является здесь имманентной позитивной характеристикой общества в режиме его нормального воспроизводства и развития, «формой движения» социально-экономической реальности, т.е. механизмом, выражаясь социологическим языком, диалектического согласования общих и особенных общественных интересов. Лишь в этом качестве «отчуждение» как теоретический конструкт может служить в качестве принципа объяснения разного рода эмпирически фиксируемых болезней и патологий «реального капитализма»: патология есть нарушение нормы — единства и борьбы социальных интересов, когда они приобретают антагонистическую форму.

На наш взгляд, эта логика приложима и к анализу проблемы отчуждения в советском обществе. Социалистическое общество мыслилось основоположниками в идеале (т.е. на уровне предметной реальности теории научного социализма) как такая организация социально-экономической жизни, в которой отчуждения как механизма воспроизводства общественных связей быть не должно по определению. Именно этот имидж социализма как де-факто реализованная реальность пропандировался в качестве идеологического клея на протяжении десятилетий: господство «непосредственно-общественных» связей, «морально-политическое единство» общества и другие мифологемы. Вернемся, однако, на грешную землю: в каком обществе мы живем и применим ли к нему инструментарий марксовой теории? Для этого нам придется вспомнить предупреждения основоположников об опасности трансформации «капитализма» в ходе социальной революции в так называемый «казарменный коммунизм», где место «капитала» занимает «государство», а класс чиновников узурпирует место субъектов частной собственности. Современные попытки построения концепции своего рода «социала» показывают эмпирическую обоснованность такого хода мысли. Анализ административно-команд-

ной системы свидетельствует, что внутренним механизмом ее функционирования является «отчуждение человека от всенародного достояния, отсутствие сопряженности общественного интереса с личным интересом» [6].

При этом теневая экономика, патернализм, тотальный дефицит, уравниловка, бюрократизм и другие формы реального отчуждения составляют необходимый элемент нормального воспроизводства данной модели социализма. Это, так сказать, его «позитивы», которые при определенных условиях превращаются в негативы (при нарушении «меры»).

Детально проанализированный в научной литературе и публицистике образ административной системы в ее экономическом, социально-политическом и духовном измерениях вполне укладывается в энциклопедическую истину: здесь явно имеет место «объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект общественного процесса» [7].

Безусловно, механизмы (по сути дела до сих пор не исследованные) этого процесса в советском обществе радикально отличны от механизмов отчуждения в условиях господства частной собственности. Безусловно и то, что его конкретно-эмпирические проявления в разных «системах» весьма различны: у каждой есть свои плюсы и минусы. Например, рынок труда — безработица — суверенность личности, с одной стороны, и всеобщая занятость — социально гарантированное существование — личный инфантилизм, с другой.

Конечно, с эволюцией обществ «реального социализма» к рыночной модели здесь должны возникнуть и явления, типологически схожие с «западными». Произойдет своего рода интерференция форм отчуждения. Какой она примет вид, сейчас можно лишь гадать. Кстати, не случайно проблематика отчуждения и превращенных форм общественной жизни в нашей литературе поднимается всякий раз, когда обсуждается вопрос о месте товарно-денежных отношений в «социалистической» экономике. Дискуссия эта имеет многолетнюю историю, и уже сейчас некоторые экономисты обращают внимание на то, что «превращенная форма стоимости в условиях социалистического производства является более сложной экономической категорией, чем при капитализме» [8].

Итак, механизмы возникновения отчуждения в классическом капитализме и в модели государственного социализма весьма различны, однако суть феномена остается прежней. В его основе — диалектика социальных интересов, когда частный интерес класса (слоя) объективно замещает интерес «всего общества». Лишь имея в виду все сказанное, становится понятной актуальность задачи «покончить с социальным отчуждением человека..., отчуждением от власти, от средств производства, от результатов своего труда, от духовных ценностей» [9].

Тотально-административная организация социалистической жизни оказалась неспособной выполнить историческую миссию социалистического движения: не найден механизм оптимального сочетания общих, коллективных и личных интересов.

Захватив политическую власть, пролетариат превращает средства производства в государственную собственность. По логике социалистической революции этот шаг был направлен на то, чтобы разорвать «магический треугольник», воспроизводящий отчуждение, а именно, упразднить частную собственность на средства производства, которая обеспечивала «профессиональный идиотизм» общественного разделения труда и придавала стихийности доминирующий характер. Но еще К. Маркс обратил внимание, что государственная собственность — это всего лишь формальное средство ликвидации конфликта. Более того, это средство само по себе тяготеет к своей противоположности. Из системы обеспечения оно может стать системой самообеспечения тех, кто распоряжается распределением собственности. В основе идеологии «грубого» коммунизма лежит вполне справедливое стремление трудящихся к «упразднению частной собственности». Но это упразднение, как показывает Маркс, базируется на таких низких социальных

чувствах как «зависть» и «жажда нивелирования» всех под лозунгом «равенства». Будучи подкреплены коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении «уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все, где ... категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей» [10]. Подобное «упразднение частной собственности», по Марксу, есть не действительное, а всего лишь формальное обобществление, при котором частная собственность преобразуется фактически во «всеобщую частную собственность». Для такого рода коммунизма «общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» [11], представителем которой в фетишистском сознании политически и культурно отсталых людей выступает государственная власть, аппарат, занятый уравнивательным распределением совокупного общественного продукта.

Надо было пройти по «лезвию бритвы». С одной стороны, новое государство должно было покончить с тотальным отчуждением старого общества, а с другой, — избежать возможности вызвать к жизни еще более одиозное отчуждение, чем в условиях капиталистического способа производства. Государственная собственность, которую пытались отождествить с общественной, является, таким образом, худшей разновидностью частной собственности, ибо не исключает, а лишь видоизменяет форму эксплуатации наемного труда. Более того, в отличие от частной, госсобственность распространяется и на человека, превращая его в средство даже в том случае, если официально он провозглашается самоценностью. К наемному труду у государства прибавляются элементы политического и идеологического принуждения.

Задуманное как посредник трансформации частнокапиталистической собственности в общественную новое государство изначально проявило тенденцию к превращению в самодовлеющую сущность. Его чиновники из слуг гражданского общества превратились в его господ. Анализируя ленинские оценки советского бюрократизма, невольно приходишь к выводу, что он больше внимания уделял субъективной стороне дела. Вероятно, такой подход был обусловлен реальными условиями и конкретным анализом конкретной ситуации, но были же и объективные условия (основы), постоянно воспроизводящие это явление. Они напрямую связаны с государственной собственностью на средства производства как предпосылкой формирования государственного социализма. Так как стержнем государства выступила не законодательная, а исполнительно-управленческая власть, то по сути дела была реализована модель административного социализма, главной характеристикой которого выступал монополизм в сфере распределения. В его рамках субъектом производственных отношений выступает не народ, а отдельные ведомства, слагаемые управленческого аппарата. Что касается трудящихся, то в этих условиях они являются лишь носителями труда, исполнителями чужой воли, а не субъектами деятельности, ибо не имеют непосредственного отношения к собственности и в этом смысле не являются ее хозяевами. То же самое можно сказать и о существующих классах советского общества, которые непосредственно не реализуют отношение к средствам производства и потому не являются субъектами производственных отношений, а, стало быть, не являются; и классами как таковыми.

Лишь спустя 70 лет после революции было, наконец, признано, что «общественная» собственность лишена реального хозяина, что человек труда — номинальный «хозяин» собственности — отчужден от нее, что государственная собственность стала вотчиной аппарата, номенклатуры как «нового» класса.

Административный социализм исходит из того, что рядовой человек — лишь средство и только средство для достижения великих целей. В этом качестве он должен владеть определенной суммой профессиональных знаний и навыков, психофизиологической и идеологической предрасположенностью к выполнению своей работы. Все остальные характеристики индивида, его личностный мир и индивидуальная неповторимость не представляют для административно-командной си-

стемы никакого значения, кроме одного: «винтик» должен добросовестно трудиться и мало потреблять, подчиняя свой личный интерес общественному. Не здесь ли истоки конформистского типа личности, которая пассивно и безговорочно принимает существующий порядок вещей, не «отравляет» свою жизнь сомнениями, не претендует на особое мнение. Для конформиста характерны уступчивость всегда и во всем, беспринципность, соглашательство как образ жизни. Таков среднестатистический портрет нашего современника.

Даже такое, по необходимости поверхностное описание реалий советского общества показывает, сколь во многом оно отличается от государств «западной демократии». Почему же мы столь уверенно говорим о возможности применения к нему концептуального аппарата теории отчуждения, создаваемого для описания диалектики классического капитализма?

На наш взгляд, существуют по крайней мере два более или менее оправдывающих нас объяснения этой уверенности. Первое, грубо говоря, предметно-онтологическое, второе — гносеологическое.

Еще раз напомним слова К. Маркса о «грубом коммунизме» как «своего иного» классического капитализма, можно полагать, что обе эти модели общественного устройства относятся к некоему общему, в рамках концепции общественно-экономических формаций, типу. В этом смысле административно-командная модель не выходит за пределы буржуазной формации, являясь ее, так сказать, вырожденным случаем.

На пикантный вопрос, возникающий в этой связи, — является ли советское общество посткапиталистическим или социалистическим в смысле К. Маркса — читатель может попытаться ответить сам. Мы же в дополнение к сказанному хотим предложить еще один ход мысли, исходящий из того, что формационный анализ есть лишь один из возможных онтологически оправданных «срезов» функционирования и развития общества. В частности, на наш взгляд, пришло время реабилитировать (реанимировать — ?) общесоциологический («феноменологический» — в терминах современной западной философии) подход, оперирующий абстракциями «общество вообще», «природа общества» и производными.

«Общество вообще» — это разумная идеализация, имеющая онтологический статус в определенном интервале абстракции, т.е. позволяющая выявлять объективные закономерности, присущие *всякому* эмпирически существующему типу общества. Классики марксизма при необходимости умело использовали такой срез жизни общества: «Есть определения, общие всем ступеням производства» [12]. «Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись» [13]. Партийность марксистской социальной науки в этом смысле вовсе не тождественна социально-классовому подходу: об «обществе вообще» можно судить вполне материалистически, т.е. рассматривая его развитие в качестве естественно-исторического процесса. Исторический материализм не предполагает «однозначных требований, скажем, выводить что-нибудь из экономики, он оставляет нас свободными, потому что, если, скажем, я могу показать, пользуясь психоаналитической процедурой, что некоторые образования сознания в действительности являются симптомами некоторых других процессов, то эти последние являются детерминантами по отношению к первым и тем самым я проделал классическую Марксом открытую процедуру, называемую материалистическим или объективным исследованием сознания. И при этом я не вводил никаких понятий ни о «базисе», ни «об экономике»... Важно, что в любой данный момент я могу различить, пользуясь вот этим методом, два уровня: отношения как они организуются, отправляясь от самих себя или от осознания самих себя как конечного пункта мотивации, и другой уровень отношений, который при этом естественным образом реализуется через первые» [14]. Марксизм — не сведение всего богатства общественной жизни к формационным связям, но поиск объективных и не обязательно социально-классовых детерминантов во всех срезах общества. При этом иерархизация относительно общественного бытия проходит через все «слои» общественной

жизни, которые нельзя редуцировать друг к другу: есть, к примеру, некие объективные (экономические, политические, духовные) закономерности, которым подчиняется всякое общество и которые поэтому не улавливаются формационным подходом.

Никакой онтологической привилегии конструкции «общественно-экономическая формация» перед категорией «общество» не имеет: это равноправные теоретические средства анализа, которые, кстати, нельзя наивно фетишистски онтологизировать, т.е. субстанциализировать, гипостазировать на манер гегелевской спекулятивной диалектики, как это делается до сих пор в пресловутой «пятичленке».

Возвращаясь с учетом сказанного к проблеме отчуждения, можно, казалось бы, сказать, что этот феномен, являясь элементом бытийственной ситуации человека в мире, органично присущ всякому типу общества. По этому пути анализа шли, как известно, экзистенциалисты. На наш взгляд, это чересчур сильное расширение границ компетенции марксовской концепции: в строгом смысле слова категория отчуждения применима лишь в рамках формационного подхода.

Что же тогда дает выделение «феноменологического» среза в плане раскрытия нашей темы? Здесь возможно предельно общее описание характеристик социальной реальности, в частности, вещного характера опосредования общественных отношений (обмена деятельностью) как необходимого момента функционирования общественной жизни вообще. Язык социально-классового подхода этот нюанс уловить не в состоянии. Как известно, один из принципиальных элементов «мифологии коммунизма» — представление о возможности существования (в принципе) неких «непосредственно-общественных», «ясных и прозрачных» социальных связей. Анализ общественной жизни на «формальном» уровне позволяет показать утопичность таких представлений.

Для нас также важно подчеркнуть, что в основании негативов (и "позитивов"), присущих обществу «как таковому», лежит неискоренимая превращенность форм общественной жизни, вещный характер социальной деятельности. Всемирная история на этом уровне — процесс сбрасывания одних превращенных форм и обретения других.

Формационный и «формальный» срезы общественно-исторического процесса не единственны. Вполне возможны другие, скажем, связанные с анализом особенностей того или иного типа цивилизации, сущности «индустриального» развития и т.п. Представляет интерес также видение общества через призму национальных, религиозных, нравственных и им подобных ценностей. Все эти подходы взаимно дополнительны и лишь в комплексе могут дать синтетическую картину того или иного общественного явления. Кстати, проблема «склейки» разных онтологических «картинок», получаемых в рамках разных исследовательских программ, — весьма сложная методологическая задача, хотя казалось бы очевидно, что все эти «срезы» общественной жизни, лишь в абстракции существующие в чистом виде, «на самом деле» тесно переплетены и влияют друг на друга. Это их взаимовлияние и призван отразить системный подход.

Поставим вполне конкретный вопрос: в чем причины существования каких-либо негативных явлений в советском обществе? На наш взгляд, чтобы на него грамотно ответить, необходимо учитывать эвристические возможности самых разных уровней исследования общества в их единстве. Скажем, одни детерминированы причинами, связанными с «природой общества как такового», или (и) сущностью административно-командной системы, или (и) особенностями российской истории и т.п. Другие — цивилизационными особенностями европейского пути. Третьи вытекают из природы отчужденных форм и т.д. Возможно, в основании того или иного явления лежат все эти срезы существования общества.

О важности учета многомерности, многослойности, сложной иерархичности социальных проблем говорит печальный опыт их «искоренения». Антиалкогольная «классовая борьба» — яркий тому пример. Задача политиков в этом смысле — не очередные сопровождаемые военизированной лексикой кампании, а содействие формированию нормальных условий жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нарский И.С.* Отчуждение и труд. М.: Мысль, 1983. С. 141—142.
2. *Ойзерман Т. И.* К критике современных псевдомарксистских концепций отчуждения // *Вопр. философии.* 1986. N 4; *Блом Р.Н.* Отчуждение и социализм // *Филос. науки.* 1987. N 9; *Маркович М.* Маркс об отчуждении // *Вопр. философии.* 1989. N 6; *Лобкович Э.* Полное преодоление отчуждения — длительный многомерный процесс // *Экон. науки.* 1987. N 2; *Костин А.А.* Отчуждение мнимое и реальное // *Социол. исслед.* 1988. N 2; Отчуждение при социализме (обсуждение за "круглым столом" редакции). *Социол. исслед.* 1989. N 6; *Кравченко А.И.* Мир наизнанку: методология превращенной формы // *Социол. исслед.* 1990. N 12.
3. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мещниереба, 1984; *Ермоленко А.Н., Райда К.Ю.* Превращенные формы социальной рациональности. Киев: Наук. думка. 1987.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 31.
5. Там же. С. 32.
6. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. С. 44.
7. *Философская энциклопедия.* Т. 4. М., 1967. С. 189.
8. *Табурдин М.* Механизм формирования превращенной формы стоимости при социализме // *Экон. науки,* 1986 N 3. С. 10.
9. Материалы февральского (1988) Пленума ЦК КПСС. М., 1988.
10. *Маркс К.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 586.
11. Там же. С. 587.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, Ч. I. С. 274.
13. Там же. Т. 37. С. 416.
14. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности Тбилиси, 1984. С. 45.